

18+

Елена Ефимова

Вальс  
«Си минор»  
Шуберта

Рассказы для моих  
внуков

Елена Ефимова

**Вальс «Си минор» Шуберта.  
Рассказы для моих внуков**

«Издательские решения»

**Ефимова Е. Г.**

Вальс «Си минор» Шуберта. Рассказы для моих внуков /  
Е. Г. Ефимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679678-2

Главными героями этой книги являются дети и животные, живущие рядом с нами. Они принимают нас такими, какие мы есть, прощают нам наши ошибки и любят нас безгранично и преданно. Книга рассчитана на домашнее чтение, поскольку только взрослые смогут подготовить неокрепшую душу ребенка к высокому смыслу жизни и ухода. Жизнь наших любимцев коротка. Как принять их уход? Чем заполнить пустоту утраты? Каждый находит решение этой проблемы для себя сам. С нами же остается любовь и память...

ISBN 978-5-00-679678-2

© Ефимова Е. Г.  
© Издательские решения

## Содержание

М А Н Я.	6
Л И Н Д А	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# **Вальс «Си минор» Шуберта Рассказы для моих внуков**

**Елена Германовна Ефимова**

*Иллюстратор* Николай Анатольевич Коба

© Елена Германовна Ефимова, 2025

© Николай Анатольевич Коба, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-9678-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## М А Н Я.

Лето. Раннее субботнее утро. Не нужно никуда спешить. Еще валяясь в кроватях, мать с Сашкой строили планы на долгожданные выходные – в воскресенье обязательно куда-нибудь съездить, сходить, что-то новенькое увидеть – это была семейная многолетняя традиция, а субботу можно отдать на откуп ничегонеделанию. Вот они никуда и не спешили, и ничего не делали.

В открытые окна врвался свежий ветерок, жонглируя солнечными бликами, колыхал тюль на окнах. Блики, игриво отражаясь в оконном стекле, переливались в изломанном рисунке прозрачной ткани и растекались искрящимися лужицами по полу. Деревья за окном, широко раскинув ветви, словно руки, обратив их ладонями к солнцу, щекотали подоконник – он хихикал легким металлическим звоном, и пряный запах молодой листвы наполнял весь дом свежестью. Сварливые воробьи, облепившие деревья в это раннее утро, что-то не поделив между собой, устроили настоящий птичий базар, какой можно было увидеть разве что по телевизору в «Клубе кинопутешественников».

Вдруг раздался нетерпеливый стук в дверь, нарушив благостно-ленивое состояние. Стучали ногой. Открывать пошел Сашка. И не ошибся. На пороге, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял его приятель Витька и в руках держал литровую банку. «Сашка, – закричал он, захлебываясь в эмоциях, – посмотри, кого я тебе притащил!». Банка была наполнена мутной водой, в которой едва просматривалось какое-то плавающее чудовище. Конечно, это было не чудовище – оно туда не поместилось бы. Но рассмотреть содержимое банки сразу было невозможно. «Смотри, какая рыбина!» – восхищенно орал Витька. Разглядеть в грязной мути рыбину было, практически, невозможно, но все-таки... Правда, рыбина была немаленькая и ей, явно, не хватало места в банке. Сашкиной маме срочным образом пришлось вмешаться в происходящее.

Тут нужно сделать маленькое отступление, чтобы дальше было понятно, почему именно в этом доме суждено было появиться этой рыбине. А дело все в том, что это тоже было многолетней семейной традицией – разводить аквариумы еще с тех давних пор, когда мама Сашки была примерно в том же возрасте, что и Сашка сегодня. Однажды Сашкиной бабушке, которая тогда была совсем еще не бабушкой, а всего лишь мамой Сашкиной мамы и довольно молодой и красивой женщиной с пышной копной ярко окрашенных волос, работавшей в детском саду воспитателем, пришла идея принести домой мальков аквариумных рыбок. В каждой детсадовской группе был свой маленький живой уголок, частью которого обязательно был маленький аквариум. И когда население этих аквариумов вырастало до такой степени, что рыбкам переставало хватать воздуха в их водоеме, приходилось их рассаживать. Вот тогда рыбки из аквариума одной группы переезжали в аквариум другой группы, а некоторым из них выпадало счастье попасть на постоянное место жительства в семью кого-нибудь из работников детского сада. А поскольку дело происходило во времена детства Сашкиной мамы – довольно давно, и семья ее жила в маленьком строящемся городке, и город назывался таким странным именем «комсомольская стройка», а родители – едва ли не первопроходцами, и главными достопримечательностями строящегося города были железобетонные остовы новостроек, то всякая экзотическая живность, вплоть до породистых собак, в городе вызвала бурный интерес всей детворы. А было тех детей, на всех строителей «светлого будущего», всего-то два детских сада. Потому, когда в семье Сашкиной мамы появились диковинные рыбы, а это были неприхотливые гупешки и рыбки-санитарочки, все младшее население строящегося города рвануло на смотрины. Будущая бабушка Сашки не ожидала такого наплыва гостей, а потому мыть полы будущей Сашкиной маме приходилось по нескольку раз в день. Но ради счастья владеть таким чудом, как аквариум, она готова была на жертвы. А аквариум тот помещался все в той же банке.

Правда, это был большой аквариум – банка была пятилитровой. Позже, когда рыбки прижились, выросли и стали давать потомство, появилась еще одна пятилитровая банка, потом еще и еще. А позже уже весь двор охватила эпидемия аквариумоводства. Это сегодня в любом зоомагазине можно приобрести любых размеров аквариум, любой породы рыб, корм, различные приспособления. А тогда, много-много лет назад, все эти радости были недоступны. И те дети, из далекого прошлого, даже представить себе не могли, что где-то есть моря-океаны, в которых этих рыб – видимо-невидимо. И что есть города, в которых есть специальные магазины, в которых продаются не только диковинные рыбы, но и попугайчики, мышки, хомячки, и даже породистые собаки. Так вот, с тех давних пор аквариум в семье Сашкиной мамы стал неотъемлемой частью интерьера. И когда она выросла и у нее появился сын, это увлечение, естественным образом, перешло по наследству ему. И к моменту, когда Витька притащил Сашке свой улов, у него уже был свой собственный аквариум, и во дворе он считался главным экспертом по аквариумоводству.

Витька, опасаясь, что его подарок окажется некстати, торопился переступить порог квартиры и настойчиво совал банку Сашке в живот. На вопрос: «Ты где это взял?», торопясь стал рассказывать, как они с пацанами рано утром пошли на рыбалку на ближайший пруд. И как почти первым поймал эту золотую, как он утверждал, рыбину. А поскольку Витькины родители были категорическими противниками всякой бесполезной живности в доме, и самое достойное, что сулила судьба этой рыбе – стать едой для какого-нибудь дворового кота, то главным человеком, кому он мог доверить такое сокровище, был, конечно же, его лучший друг Сашка. Витька все это выпалил не возражавшему другу, и с чувством исполненного долга умчался во двор, докладывая друзьям о деле сделанном.

Надо сказать, что ближайший пруд – это огромный скалистый карьер, образовавшийся в результате непосредственного вмешательства в дела природы человека. Когда-то на этом месте взрывали скалистую породу, и образовавшиеся в результате этого глыбы горной породы вывозили огромными машинами на стройки города. Для чего были нужны эти глыбы скалистой породы никто не знал, но вскоре смогли оценить по достоинству свои перспективы. Образовавшийся в результате буровзрывных работ огромный карьер со временем заполнился грунтовыми водами и превратился в водоем. Рваные раны скал обросли травой, ветер постарался – нанес на бережок желтого песочка, получился даже очень неплохой пляж. Позже район разработок застроили высотными жилыми домами, приехали люди. Случайно пролетавшие мимо чайки огласили своим истошным криком своих собратьев об открытии нового водоема и вскоре здесь поселилась уже целая колония чаек. На своих лапках они принесли икринки озерной рыбы. Карьер получил пристойное название Пруда и стал зоной отдыха детворы и взрослых одного из спальных районов города. Кого только не водилось в этом пруду! Всякий раз, когда кому-нибудь из местных мальчишек-рыболовов удавалось поймать очередного мутанта – рыбину неестественных размеров, расползались слухи, что водоем заражен чем-то, что, дескать, взрывные работы в этих местах велись вовсе не со строительными целями. Слухи так же быстро куда-то исчезали, как и возникали. Но придавали остроты ощущениям местным мальчишкам. Кто-то уже рассказывал, что у этого пруда нету дна. А кто-то видел по ночам странное свечение... В общем, пруд зажил своей жизнью, полной таинств и загадок. Вот в этом-то пруду и выловил Витька свою золотую, как ему виделось, рыбину.

Для начала Сашкина мама достала большой белый эмалированный таз, наполнила его водопроводной водой, и сын вылил в него воду из банки вместе с содержимым. Хотелось рассмотреть, как выглядит эта волшебная рыба. Да и выкупать ее в чистой воде, прежде чем запустить в аквариум, не мешало бы. Рыба оказалась размером в половину ладони руки взрослого человека. И абсолютно черной. Такой черной, будто она родилась и выросла в нефтяной речке и насквозь пропиталась нефтью. Только Витькина фантазия могла разглядеть в этом чумазом чудовище золотую рыбу. При этом не похоже было, что ее смущало чье-либо присутствие. Вела

она себя с достоинством. Не торопясь открывала большой рот, будто собиралась что-то сказать, размашистыми движениями больших плавников, как лопастями, уверенно раздвигала толщу воды и двигалась, как большой танкер, но только подводный. Таза ей, явно, было недостаточно. В аквариуме у Сашки уже жила семья красных кубинских меченосцев. Главой этого семейства был жирный красный меченосец с черным брюхом и длинным хвостом-мечом. Когда он устраивал скандал среди своих немногочисленных жен и детей, то начинал с большой скоростью носиться по аквариуму и его хвост, как настоящий меч, срезал мелкие листочки аквариумных растений. А еще меченосец любил по ночам гулять. И где бы вы думали? – по крыше шифоньера, на котором стоял аквариум. И если бы не счастливая случайность, погиб бы наш меченосец смертью смельчака-первопроходца.

Случилось это глубокой ночью. Сашкина кровать стояла сразу за шифоньером. Оттуда слышалось его мирное посапывание. Вдруг, откуда ни возьмись, в абсолютной тишине раздались частые шлепки. Как будто кто-то негромко захлопал в ладоши. Услышав, как тревожно заворочался сын, что-то залепетал спросонок, мама тихонько позвала его. Сашка проснулся, включил ночник над своей кроватью и вскрикнул: «Ой, что это?». По его подушке скакал обезумевший меченосец. Чешуйка на нем была уже сухой и он явно задыхался. Сашка схватил хулигана и бросил обратно в аквариум, решив, что это была случайность: в очередной семейной ссоре ревнивец-меченосец не рассчитал свои силы и выскочил за пределы водоема. Однако буквально на следующую ночь повторилось то же самое. И снова Сашка успел вовремя проснуться, а главное, не раздавить меченосца. Днем Сашка накрыл аквариум стеклом. Но рыбам нужен воздух. Да, есть такой прибор, он называется компрессор, который качает воздух рыбкам. Но по ночам компрессор шумит. И предусмотрительно закрывая аквариум стеклом, Сашка оставлял небольшое отверстие открытым для того, чтобы и рыбы могли дышать, и они с мамой спокойно спать. Но хитрец-молодец меченосец оказался сообразительнее и умудрился в очередной раз ночью выскочить в это небольшое отверстие и совершить свое рискованное путешествие по крыше шифоньера в Сашкину кровать. В конце концов, Сашке надоело по ночам ловить всяких там летающих меченосцев, и он решил пойти на небольшие жертвы: пришлось оставлять работающим компрессор и привыкать к мерному его гудению. О спокойном сне пришлось на некоторое время забыть. Зато его любимец был жив и здоров. Вот к этому воинствующему меченосцу Сашка и определил на сожительство Витькину рыбу. Как только зеркальный карп, такова была предположительная порода этой черной рыбы, попал в аквариум, сразу стало понятно, что борьбы за лидерство не будет: само собой разумелось, что лидером в этом сообществе стало это черное волшебное чудовище. И тут впервые у Сашкиной мамы появилось желание обращаться к этому существу уважительно, по имени. Имя родилось само собой. Рыба была вальжная, большая, круглая. И казалось, что имя у нее должно быть таким же круглым – МАНЯ. Что странно, Маня быстро стала откликаться на него. Стоило только постучать по стенке аквариума и позвать ее, она тут же подплывала, выставляла свою большую голову наружу и начинала жадно глотать воздух. Но выглядело это так, будто она говорила: «Что тебе надобно?». В награду она получала жучков, паучков, мух. Благо, было лето и с деликатесами для Мани проблем не было. Вскоре все мальчишки со двора стали таскать Маньке еду с ее родины – с пруда. Рыба заметно подросла, зажирела. Но расти дальше отказалась. Размеры аквариума были значительно меньше пруда, и ей они тоже показались со временем малы. А как известно, рыбы в неволе не достигают своих естественных размеров. И Сашке пришлось серьезно задуматься о приобретении еще одного аквариума. Но не для Мани, а для беспокойной семейки кубинских меченосцев. Глава семейства кубинцев в присутствии столь величественной рыбы перестал ощущать себя полноправным хозяином домашнего водоема. Она же, занимая большую половину пространства аквариума, одним своим внушительным видом не позволяла дебоширу и хулигану устраивать регулярные скандалы в их общем доме.

И бедному меченосцу снова пришлось всю бурю своих эмоций выплескивать за его пределы. И он снова стал по ночам совершать набеги на Сашкину подушку.

А Маня, оставшись полновластной хозяйкой в аквариуме, похоже, не очень скучала. Она научилась кувыраться в воде, играть с солнцем, пронзавшим аквариум насквозь своими лучами. Прозрачная вода доставляла ей особое удовольствие: она все видела. И уже, приближаясь к ней, не нужно было стучать по стенкам аквариума, чтобы вызвать ее для общения. Услышав свое имя, Маня всплывала кверху, шлепала губами, выпрашивая очередную порцию вкусной еды. Получала своего жучка, паучка, глотала его, потом снова всплывала и снова начинала просить добавки, широко раскрывая свой большой рот. Каждый день она удивляла чем-то новым, как будто снова и снова открывала для себя волшебный мир...

Так незаметно пролетели три с половиной года. Здороваться с Маней каждое утро и желать ей спокойной ночи стало для Сашки делом обыкновенным. И казалось, что рыба все понимает, но пока не может ответить. Верилось, что однажды случится чудо. И оно не заставило себя долго ждать. На покато лбу Мани, прямо на том самом месте, где у человека расходятся брови, стал появляться какой-то нарост. Сашкина мама поначалу даже испугалась, не заболела ли Маня. Но Сашка, проконсультировавшись у специалистов на птичьем рынке, успокоил, сказав, что у рыб такое бывает. Это означает, что она перерождается, облагораживается. И правда, вскоре на голове у Мани выросла корона. Она была такая же черная, как и сама Маня, но это уже была корона! Рыба превращалась в королевишну. Сказка становилась реальностью. К этому чуду все вскоре привыкли и большего уже не ожидали от нефтяной владычицы...

Шло время. Сашка подрос, повзрослел. По-прежнему к нему каждый день забегали в гости его школьные друзья. Их проблемы подросли вместе с ними. Они бурно что-то обсуждали, что-то мастерили, ломали, хулиганили. И все меньше обращали внимание на черную рыбу, которая внимательно наблюдала за ними с крыши шифоньера. Они все меньше верили в чудеса, а все больше в физику, в вычислительную технику и прочие веяния надвигающегося на них прогресса.

Но Маня решила удивить их еще раз. Похоже, она ждала своего часа! А вот домочадцы оказались не готовы. Сейчас трудно даже вспомнить, в какой день произошло чудо и при каких обстоятельствах, но наверняка это был обычный день.

Каждое утро начиналась с того, что жутко не хотелось вылезать из-под одеяла, хотелось понежиться еще чуть-чуть, мечталось о том, что вдруг что-то произойдет и всем людям в стране в одну минуту объявят всеобщий незапланированный выходной. Вот только, что такое должно было случиться – не хватало фантазии придумать. Но поскольку это повторялось каждое утро и желающих поваляться в стране не становилось меньше, ничего и не происходило. Потому что те, кто должны были придумать эту важную причину, в тот момент тоже, наверняка, валялись в постели и им было лень думать. А больше некому этим заниматься. Потому каждое утро начиналось у всех одинаково.

Сашкина семья не была исключением. Пытаясь растянуть до бесконечности оставшиеся минуты, валяясь в постелях, мама с Сашкой зевали, потягивались, по очереди выбрасывая из-под одеяла то одну, то другую ногу, потом подскакивали, наперегонки бежали в ванну чистить зубы, на ходу глотали чай с бутербродами, опять же на бегу натягивали одежду и разбегались каждый по своим делам: Сашка – к первому уроку в школу, мама – на работу. Трудолюбивое солнце просыпалось, как обычно, первым и, не дожидаясь пробуждения валяющихся ленивцев, врывалось сквозь раздвинутые шторы окна в комнату. Медленно скользило по полу, по мебели, по крыше шифоньера, прыгало в аквариум и тут начиналось светопредставление. Стекло аквариума, как многогранная линза, преобразовывало солнечные лучи в яркие разноцветные пучки света и начинались пляски солнечных зайчиков на обоях. Когда Сашкина мама пробежала мимо Маньки в ванну, крикнув на ходу ей «привет!», она едва успела заметить

на голове волшебной рыбины какое-то блестящее светлое пятно. Тогда она не придала этому значения, решив, что солнечные блики играют на большой голове рыбы. И только вечером вспомнила, что Маня требует к себе более пристального внимания. К великому огорчению оказалось, что лоб умной рыбы покинули несколько больших чешуек и светлые проплешины зияли на голове Мани, как амбразуры. Внешний вид Маньки явно пострадал. Надо честно признаться, она никогда не была красавицей. Это для Сашки она была членом семьи и он любил ее такой, какой она была. А если вспомнить о том, что она была необыкновенно умна, то цены ей в глазах домочадцев просто не было. Тем не менее, ее некрасивость настораживала. Еще не забыто было Сашкино предупреждение, что с рыбами периодически происходят какие-то превращения, и оставалось просто наблюдать за Маней. На следующее утро Сашкина мама не стала дожидаться прилива бодрящих сил, а поспешила к аквариуму. И о, ужас! – обнаружила на теле рыбы уже несколько больших проплешин. Явно с превращением что-то не получалось! Ей не хватает витаминов, решили мама с Сашкой, и в тот же день он, едва закончилась школьная смена, поспешил на птичий рынок к специалистам за очередной консультацией. Специалисты разводили руками, делали глубокомысленные выражения лиц, но так ничего умного придумать не смогли. Оставалось одно – ждать, чем все закончится. А с каждым днем рыба теряла все больше и больше чешуек и уже стала, практически, голой. Вы видели когда-нибудь голую рыбу? Наверное, только на разделочном столе повара. А у Сашки в аквариуме плавал голый монстр. Да еще с короной на голове! Если вспомнить историю ее появления, то новое превращение Мани было вполне оправдано. Неужели это и было то чудо, которого мама с Сашкой ждали целых три с половиной года, спросите вы? Мама и Сашка сами терялись в догадках – неужели? Но нет же! Помните, мы говорили, что Маня – волшебная рыба? Главное, что она сама это знала. В одно прекрасное, да, да, – прекрасное утро, из аквариума брызнул сноп золотых искр. Но не от преобразования солнечных лучей в аквариумном стекле! Нет! Это были золотые брызги от волшебной рыбы. Маня стала зо-ло-той! Даже плавники ее стали золотыми. И это превращение произошло в одну ночь! Что случилось с рыбой, никогда и никто не поймет и уже не узнает. Наверняка, найдутся специалисты, которые все знают и смогли бы объяснить это явление с научной точки зрения. Но для Сашки было важно другое – чудо-таки свершилось! И это стало событием не только в его семье. Весь двор, все мальчишки бежали на смотрины, как в свое время бежали в дом Сашкиной мамы ее друзья. Все вспомнили о Витьке, а Витька чувствовал себя героем – это же он поймал такую волшебную рыбу. Это он первый сказал, что она золотая! А никто не верил! Теперь он выловит всех рыб из пруда, а поймает и себе такую же. И вырастит ее сам! И все друзья будут знать, какой он счастливый! Вот так.

К любому чуду человек привыкает. Так уж он устроен – человек. Порой сам творит эти чудеса и не замечает. И Сашка привык, что чудо всегда рядом. Он не загадывал желаний своей золотой рыбке, но как-то все вокруг стало меняться.

Вскоре Сашкиной маме предложили командировку в далекую заморскую страну. Это сегодняшним мальчишкам и девчонкам трудно представить, что было такое время, когда не только за границу, а в другой город было непросто доехать: требовались различные разрешения, какие-то согласования. А тут командировка. Да еще можно будет увидеть океан! С ума сойти! Конечно же встал вопрос, как быть с Сашкой – ведь у него школа! Сашкиной маме и раньше приходилось нередко выезжать в далекие командировки. И если это была интересная поездка, она находила возможность, и Сашка ездил вместе с ней. А случалось это, довольно, часто. Они даже привыкли ездить в мамыны командировки вдвоем. А тут такая перспектива – повидать мир! И, конечно же, было принято решение в пользу командировки. Радость, ликование, спешные сборы! А как же рыбы, вы не забыли – ведь еще есть большая семья кубинских меченосцев, Маня как? Пришлось срочным образом вызывать в гости Сашкину бабушку, чтобы во время его отсутствия она, так сказать, понянчилась с домашним хозяйством. Настал день отъезда. В это раннее весеннее утро никого не пришлось будить, да, кажется, никто

и не спал. Всю ночь о чем-то говорили, мечтали. В назначенный час машина, которая должна была доставить в аэропорт, стояла уже у подъезда. Схватив чемоданы, мама с Сашкой едва успели с порога прокричать: «Маня, пока – пока!». Обещали скоро вернуться. Чтобы не скучала. И еще какие-то необязательные слова. Все были просто уверены, что рыба всё понимает. И командированные умчались, громко хлопнув дверью.

Вот она Европа! Другой воздух, плотный и соленый, другие люди, другой ритм жизни, все вокруг другое. Какой-то странный терпкий запах. Чисто кругом. Красиво постриженные кустарники. Фонтаны. Да что фонтаны – Океан у ног! Голова кругом от впечатлений. В свободное от маминых производственных дел время, а его было достаточно, они с Сашкой ездили на экскурсии по достопримечательным местам. Плавали на корабле в открытый океан. Гуляли по ночному городу, на время забыв о доме. Неделя пролетела, как один день. За все время пребывания за границей они единственный раз вспомнили о доме, о бабушке. Тем более, о Мане. Сделав все свои дела и купив подарков родным и друзьям, они не забыли о любимой рыбе. Однажды попав в зоомагазин, тот, иностранный, мама с Сашкой поняли, что смогут выйти оттуда не раньше, чем еще через неделю. От разнообразия одних только рыб глаза разбежались в разные стороны, а голова отказывалась переваривать такое обилие информации. Стоило немалых усилий над собой, чтобы выбрать подарок Мане. Потому что хотелось скупить половину магазина, никак не меньше! И все, казалось, было необходимо. Но выбор ограничился только компрессором. Тем самым, который качает воздух рыбам. Только более мощным, компактным и совершенно бесшумным. Так, на всякий случай. Пусть будет.

Долгий перелет показался едва ли не скоростным. Сашка даже возмутиться не успел, как оказался в родном аэропорту. Однажды, когда он был еще совсем маленьким, сделал важный вывод в своей жизни – дорога домой всегда короче. В этот раз он подумал об этом с сожалением. Раннее утро. Заспанная бабушка была, конечно, рада возвращению любимого внука. Сашка с мамой спешили наперебой поделиться с ней самыми главными впечатлениями. Говорили шумно, распаковывали вещи, вываливали на нее подарки, смеялись. И даже не хотели замечать, что бабушка все время хотела им что-то сказать. И только когда дошла очередь до компрессора – подарка Маньке, она вполголоса проговорила: «А Маньки нет...». Ее слова прозвучали так глухо, что не сразу были слышаны и поняты. Сашкина мама резко выпрямилась, Сашка медленно опустился на стул. Повисла пауза – как нет? Ее не может не быть. И как-то, не стовариваясь, одновременно бросились в комнату, туда, где на крыше шифоньера уже много лет стоял ее дом. Дом стоял по-прежнему на том же месте. Но был совершенно пустой. Даже травка, в которой Маня любила прятаться в жаркую погоду, казалась безжизненной, искусственной, какую видели в том, иностранном, зоомагазине. В ушах у Сашки стало очень горячо, что-то гулко запульсировало, язык стал большим и тяжелым. Сашкина мама стояла рядом и боялась повернуть голову в сторону сына, чтобы не встретиться с ним глазами. Сашка стоял, держась пальцами за крышку шифоньера, тупо уставившись в пустой аквариум, и тихо плакал. Крупные слезы стекали по его щекам. У него еще не было сил спросить, что случилось. Сашкина бабушка виновато топталась на пороге комнаты и не знала, как объяснить, что произошло. «Я не знаю. Я все делала, как вы велели. И кормила, и воду качала. Не знаю, как это», – она опустила руки.

Должно было пройти какое-то время для того, чтобы боль утраты притупилась и они смогли говорить о Мане. Да, это всего лишь рыба, все всё понимали. Наверное, все те же специалисты улыбнулись бы выводам, но Сашка уже тогда понимал – Маня умерла от тоски. Кто-то умный скажет – от возраста, а Сашка знал – от тоски. В отсутствие любимых людей, казалось, все было как обычно. Каждое утро Сашкина бабушка подходила к ней, давала сухой корм, – в отсутствие внука некому было добывать Мане живой на пруду, – включала компрессор, старый шумный, и уходила по своим делам. Она с иронией относилась к причудам: по утрам здороваться с рыбой, разговаривать с ней, желать спокойной ночи. В общем, навер-

няка любой взрослый человек на ее месте отнесся так же к такому порядку дел. Но ведь не каждому человеку было известно, что Маня – рыба не простая и ей необходимо было общение. Она не понимала, что случилось, куда подевались ставшие родными ей люди, почему никому нет до нее никакого дела. Даже тогда, когда мама с Сашкой разбегались по своим делам, в школу и на работу, она была в курсе, что так надо, что они скоро соберутся снова все вместе. Первым прибежит Сашка, бросит портфель, поковыряется вилкой в сковородке, спешно проглотит бутерброд. Потом раздастся стук в дверь, хотя есть звонок. В дом ввалится шумная ватага мальчишек. И она будет наблюдать за ними, и ей будет интересно. Кто-нибудь непременно подойдет к аквариуму и щелкнет пальцами по стеклу, по воде пробежит мелкая рябь, а она сделает вид, что испугалась, что ей это неприятно, спрячется в заросли травы. Сашка резко одернет нарушителя ее спокойствия, и они снова займутся своими делами. И так будет каждый день. Она будет ощущать себя незаменимой, а жизнь свою состоявшейся. Только когда все изменится, Маня не будет знать, что это ненадолго, всего лишь на неделю. Но каждый следующий день этой недели станет для нее маленькой трагедией – ее бросили, а значит предали. И она не сможет пережить этого предательства. Ее маленькое сердечко, – говорят, у рыб нет сердца, а Сашка уверен – есть! – не вынесет горя и оно перестанет биться. И Маня умрет. Незаметно. Тихо. – Она ведь так и не научилась говорить. Всего лишь за день до Сашкиного возвращения.

Пройдет много лет. Сашка станет совсем взрослым. И совсем перестанет верить в чудеса. И в его доме появится еще много, разных по размеру, аквариумов. И он на долгие годы, наверное, уже навсегда, увлечется аквариумоводством. Часто переезжая из дома в дом, из города в город – так сложилась его жизнь, он не изменит своему увлечению. Будет бережно возить за собой свои драгоценные аквариумы. И всякий раз будет рассказывать своим друзьям, а позже – своим сыновьям, о той волшебной рыбе своего детства с круглым именем Маня, которая умела разговаривать так тихо, что слышать ее мог только он.

## ЛИНДА

В этой главе я хочу рассказать о самом большом и самом дорогом друге моего сына – о его любимой собаке по имени Линда. Наверное, нельзя говорить, что один друг дороже другого. Друг он и есть друг. Но так случилось, что место, которое Линда заняла в жизни нашей семьи, совершенно особое. И никто уже и никогда не сможет занять его.

Сашке недавно исполнилось 12 лет. Он был уже довольно взрослым и серьезным молодым человеком. И к этому времени имел за плечами немалый опыт неудач и побед в спорте, несколько лет серьезно увлекаясь плаванием и хоккеем. Тренеры юношеской школы Олимпийского резерва по плаванию, в которой занимался Саша, возлагали на него большие надежды: он был сильным, техничным, выносливым. И в свои 8 показывал результаты для средней возрастной группы – спортсменов 13—14 лет. У меня были все основания гордиться своим сыном. Я часто после работы заезжала за ним в бассейн, где он тренировался, и подолгу ждала. Обычно он выходил последним и очень уставшим. Сил не было даже разговаривать. Следом шел тренер, Юрий Васильевич, и, увидев меня, начинал изо всех сил убеждать, что Сашке необходимо бросать общеобразовательную школу и переезжать в интернат при школе Олимпийского резерва, чтобы «всего себя без остатка посвятить спорту и только спорту». «Имея такие природные данные, как у него, плюс упорство и работоспособность – это прямая дорога на Олимпиаду! – уверял он. – И зарывать такой талант – просто преступление». Я молча кивала, поглядывая на сына. Мне было очень неловко перед ним: он еще такой, как мне казалось, маленький, а работает и устает уже больше меня. Мне хотелось хоть как-то облегчить его участь. Я совала сыну сок и заготовленный заранее бутерброд. Сашка обессиленной рукой заталкивал его в карман, и мы молча плелись к трамвайной остановке. Ехать до дома было не менее получаса. Все это время он спал. А я, как могла, охраняла его покой. Дома предстояло ненавистное домашнее задание на завтра и как избавление от дневных забот – сладкий сон. И только лежа в своей кровати, сбросив со своих маленьких плеч недетский груз дневных проблем, Сашка начинал потихоньку разговаривать, делился впечатлениями, что-то спрашивал. Одним словом, к ночи оживал. А утром все начиналось сначала.

Можно было бы сказать, что у сына все складывалось очень даже неплохо. Хорошие отношения в школе, успехи в спорте, верные друзья рядом. Но вдруг в нем произошел какой-то перелом. Такое бывает: дети растут, в них многое меняется, и не всегда можно найти логическое объяснение их поступкам. Да и стоит ли искать... Природа мудрее нас, людей – нужно только внимательно прислушиваться к тому, что с тобой происходит, а ответ придет сам.

Сашка оставил плавание. Ничего не объясняя, констатировал факт: заниматься профессиональным спортом он не будет. А я и не спорила. Мне кажется, что человек должен многое попробовать, чтобы потом было легче выбирать свой путь в жизни. Дальше были серьезные успехи в легкой атлетике, потом – в вольной борьбе. В результате на всю жизнь его увлечением стали хоккей и футбол. Но в тот переломный момент Сашке требовалось время, чтобы разобраться в себе. Казалось, я была терпеливой мамой. Мне интересно было наблюдать за растущим человеком. Я боялась пропустить что-то очень важное в этом процессе взросления. Поэтому, когда однажды Сашка изъявил желание завести собаку, я не стала его отговаривать. У ребенка должна быть ответственность за ближних, иначе он может вырасти бездушным и жестоким человеком. Это мое убеждение. Мы обсудили породу будущей собаки, условия ее воспитания, разделили между собой обязанности. На меня легла ответственность по приготовлению пищи для щенка, а это непременно должен был быть щенок не старше месяца от роду, строгого соблюдения витаминного рациона для правильного физического формирования малыша и своевременная вакцинация, то есть различные прививки. Саша, в свою очередь, обещал, что все остальные заботы по воспитанию будущей собаки он возьмет на себя. Все

дети обещают родителям чуть больше, чем в результате могут исполнить. Но я же была терпеливой мамой. Потому, заранее просчитав и взвесив осложнения в результате принятого решения, согласилась на эту авантюру безропотно. Теперь предстояло найти заводчиков выбранной нами породы: собака должна была быть с хорошей родословной. А породу мы определили заранее – боксер. И непременно рыжая девочка.

Собак принято называть суками и кобелями. Но уж очень грубо звучат эти слова в человеческих устах, когда речь идет о теплых, нежных, пушистых комочках, так сладко пахнущих молоком.

На следующий день, придя на работу, я объявила коллегам, что мне срочно нужно найти хорошую семью, в которой недавно появились щенки боксера. Моя коллега, Алла Сергеевна, собаковод со стажем, сиюминутно отреагировала на мое неофициальное заявление и начала обзванивать всех своих друзей по собачьей площадке, те, в свою очередь – знакомых собаководов. Так называют себя люди, которые имеют собак и регулярно собираются на специально оборудованной для их дрессировки и выгула площадке. Уже через несколько часов у меня в руках был телефон и адрес семьи, где буквально месяц назад молодая мама-боксер произвела на свет одиннадцать (!) щенков. Среди этих одиннадцати было всего трое рыжих малышей. И только одна из них девочка. Она родилась седьмой и была не самым лучшим щенком в помете. И, возможно, клуб служебного собаководства, к которому относились оба родителя этих щенков, по определенным показателям не выдал бы ей родословную. Это такой паспорт собаки, в котором указаны бесчисленные родственники щенка вплоть до седьмого колена, с их отличительными классными особенностями. Наличие такого паспорта дает собаке право участвовать в различных собачьих выставках и получать медали. Но разве любимого друга можно оценивать этими самыми медалями или их отсутствием?! Для нас с Сашей наличие родословной было вовсе не самым главным условием. Но увидеть родителей нашего будущего щенка очень хотелось. А как же! Нужно знать, какой будет твоя собака во взрослом состоянии, ее экстерьер (внешний вид, телосложение), повадки. Хороших щенков, как правило, разбирают быстро. В клубе собаководства существовали даже многочисленные очереди. Но нам была оказана протекция – право на внеочередное приобретение щенка по звонку общих знакомых. Поэтому я в тот же час связалась с хозяйкой собаки-мамы и договорилась о встрече. Саша был несказанно благодарен и рад. Вечером он чистил зеленый коврик, на котором должна была спать наша собака. Тщательно выбирал посуду, из которой ей предстояло есть и пить воду. В доме витало радостное предвкушение новоселья. Имя собаке, оказывается, было придумано уже давно. Прошлым летом у Саши появился взрослый друг, некто господин Стравинский. Мы вместе летели с ним в самолете: мы с Сашей – в отпуск, а он – к себе домой, в другую страну. В нашем городе он был по служебным делам. Так они и познакомились: сидели рядом. Позже господин Стравинский еще не раз бывал в нашем городе, всякий раз звонил Саше, и они встречались. А у г-на Стравинского была собака, ее звали Белинда. Уже не вспомню ее породу, да это и неважно. Она была большой умницей и любимицей всей семьи. Рассказ взрослого человека и его уважительное отношение к собаке-другу, видимо, так впечатлили моего сына, что он решил когда-нибудь назвать созвучным именем свою будущую собаку. И вот это время пришло, а имя уже было готово. Так случилось, что ни на следующий день, ни через день мы не смогли поехать за щенком. На то были серьезные причины. Но это совсем не означало, что мы были готовы отказаться от своих намерений. Я позвонила хозяйке собаки и объяснила ситуацию. Регина Львовна, так звали хозяйку, ничуть не расстроилась и рассказала, что по моей просьбе она предупредила нашу девочку о том, что у нее уже есть новая семья, и что мы должны вот-вот за ней приехать. И Линда, по словам Регины Львовны, уже ждала нас. В субботу мы проснулись очень рано. Быстро собрались, взяли заранее приготовленное большое махровое полотенце для щенка и отправились на автобусную остановку. Ехать предстояло далеко. Всю дорогу мы возбужденно говорили о собаках, о разных случаях из их жизни, о которых слы-

шали или где-то читали. Я снова и снова вспоминала свою первую собаку – мраморного дога по имени Руслан, ростом с теленка и нравом непоседливого ребенка. Пытались представить, какой будет наша девочка. Что-то придумывали, смеялись. Так скоротали время в дороге.

Нужный нам дом нашли быстро. Поднялись на этаж. Нажали кнопку звонка. Из-за двери раздался дружный звонкий щенячий лай. Было слышно, как хозяйка подошла к двери и пыталась разогнать эту неуправляемую свору малышей, чтобы впустить нас. Наконец мы смогли перешагнуть порог квартиры. И вся эта ватага ринулась на нас. Все одиннадцать! Они вмиг облепили ноги так, что сделать шаг, не придавив при этом кого-нибудь, не представлялось возможным. Мелкими шажочками нам все же удалось добраться до кухни, где жила эта неугомонная семья. И только тут, переведя дух, мы попытались рассмотреть все то, что нас захватило в плен. Малыши были чудо как хороши! Щенки преимущественно тигрового окраса, как их мать, родившиеся в первую очередь, значительно отличались от младших братьев своими размерами: были крупнее и сильнее. Потому, растолкав более слабых, они оказались наверху кишасей кучи и норовили допрыгнуть до наших рук, протянутых к ним. А мы, совершенно растерявшись, брали то одного щенка, то другого. Они своими горячими язычками лизали нас в глаза и губы, крутились на руках с такой скоростью, что, боясь уронить, мы спешили опустить их на пол. Но другие тут же прыгали в руки. И этому умилению не было конца. Регина Львовна по очереди нахваливала щенков, желая угодить нам и представить весь товар лицом, подчеркивала врожденные достоинства малышей. И мы действительно уже стали размышлять, кого лучше выбрать: рыжего или тигрового, самого крепкого мальчика или... И тут я подняла глаза – и ахнула! Чуть в стороне от этой «ярмарки вакансий», на потрепанном коврикe, где обычно спали, сбившись в кучку, все щенки, сидела наша рыжая девочка и молча наблюдала за происходящим своими огромными влажными глазами. «Саша! – сдавленно вскрикнула я, – Посмотри!» Сомнения выветрились мгновенно. Я прижала ее к себе: «Прости! Прости, малыш! Ты наша. Конечно, ты наша!». В это время пришла с прогулки собака-мама. Увидев непрощенных гостей, зарычала. Хозяин, державший ее за строгий ошейник, поспешил удалиться вместе с ней в другую комнату. Мы торопливо рассчитались с хозяйкой и, закутав щенка в полотенце, распрощались и поспешили на остановку. Вина недолго терзала нашу совесть. Мы дали Линде слово, что будем любить ее и всячески заботиться. Подошел наш автобус, мы вошли с передней площадки, как положено пассажирам с детьми, и заняли место у окна. Наша девочка, впервые оторвавшись от мамы, запищала, попыталась вырваться. Я только крепче ее к себе прижимала, шептала на ушко ласковые слова, целовала в мордочку. Саша участливо делился теплом своих рук и гладил ее, гладил... В автобусе началась давка. Он встал над нами, закрыл своей спиной. Так мы и доехали. Привезли мы Линду не в свой, то есть теперь уже и ее, дом. Дело в том, что у Саши начинались летние каникулы, а моя работа требовала ежедневного присутствия. Оставить неопытного сына на целый день одного, с малышом на руках, я не осмелилась – слишком велик был риск и ответственность. И поэтому на семейном совете мы решили, что какое-то время проживем у моей мамы, Сашиной бабушки, в другом районе города. Вот туда-то мы и приехали. У нашей бабушки жил огромный кот. Он был уже очень взрослым, необыкновенно умным и чувствовал себя в доме полновластным хозяином. Звали его Нафаня. Весил Нафаня без малого десять килограммов, но передвигался по квартире совершенно бесшумно. Появлялся из ниоткуда и так же неслышно исчезал в никуда. Как привидение. Нафаня обладал врожденным чувством такта. Он знал, что можно себе позволить, а чего позволять себе нельзя. Например, когда моя мама приходила с работы уставшей, Нафаня даже есть не просил. Голос у него был негромкий, но очень требовательный, когда ему чего-то хотелось. В такие минуты он понимал, что его хозяйке нужно дать время на отдых. Еще он знал, что лежать на маминой кровати нельзя, она этого не любила, и никогда не нарушал этого неписанного правила. Еще много чего можно было бы рассказать об этом удивительном животном. Он прожил на свете 18 лет и умер в свой день рождения.

Нафаня не был готов к появлению в его жизни собаки, пусть даже такой маленькой. Никто из нас не догадался предупредить его о предстоящих переменах. Да-да, животные все понимают! Они даже знают, когда у них день рождения. И неплохо было бы, чтобы люди, у кого есть дома питомцы, знали и помнили об этом, и дарили бы в этот день своим любимцам подарки. Одним словом, Линда никак не вписывалась в Нафанин распорядок жизни, и потому, когда ее опустили на пол, кот даже не зашипел, а, обойдя вокруг щенка, брезгливо отряхнул лапы и удалился в другую комнату. Первое, что сделала Линда, это обнюхала незнакомый ковер и написала на него. Бабушка тут же выразила свое неудовольствие. Мы поняли, что необходимо принимать меры по спасению бабушкиной собственности. И в тот же день свернули в доме ковры, подальше и повыше убрали всю обувь. Саше было дано задание обеспечить собаку мягкими игрушками, чтобы она могла точить растущие зубки и коротать свой досуг. А Линда тем временем осваивала новую для нее территорию. На еще неокрепших лапках, шатаясь, она побрела вслед за Нафаней. Ей очень хотелось казаться сильной и смелой, поэтому она старалась делать большие шаги, для чего высоко поднимала одну лапку и, не успев поставить ее, тут же поднимала другую. Сделать такой трюк не удавалось еще никому. Поэтому Линда падала, тыкаясь мордочкой в пол, начинала злиться, торопилась встать и снова повторяла те же ошибки. Наблюдать за ней было очень смешно. Смеялись все. Кроме Нафани. Он с недоумением смотрел на это маленькое существо и при малейшей попытке Линды приблизиться к нему, делал брезгливое лицо и спешил ретироваться. Вскоре наша собака проголодалась и вспомнила о своей маме. Она неуклюже села на задние лапки и тихонько заплакала. Мы – люди ответственные и, конечно, были готовы к этому. В детской бутылочке с соской уже стояло приготовленное теплое молочко, на одну треть разведенное кипяченой водой. Щенков нужно постепенно приучать к другой еде, поэтому следует строго соблюдать некоторые правила приготовления пищи. Соска мало напоминала Линде маму, но очень соблазнительно пахла. Честь стать первым кормильцем своей собаки выпала, конечно же, Саше. Все прошло неплохо, несмотря на то, что оба испытуемых с макушки до пяток были забрызганы молоком. Следующее кормление прошло уже увереннее, и больше проблем не возникало. Каждый день рацион Линды пополнялся новыми ингредиентами, необходимыми для правильного развития щенка. И собака благодарно откликалась на нашу заботу о ней: росла не по дням, а по часам, становилась крепче и сильнее. Саша каждую неделю взвешивал ее и делал замеры роста. Свежим воздухом Линда дышала, сидя у Саши на руках. А все туалетные проблемы решала дома, прямо на полу. Нам приходилось терпеть некоторые неудобства ради здоровья собаки. Терпели мы, люди. Но не Нафаня. Однажды, застигнув Линду за столь неблагоприятным деянием, он подошел к еще теплой лужице, только что оставленной собакой, понюхал, и, проходя мимо виновницы, дал ей своей мощной лапой такую затрещину, что та от неожиданности даже присела, потом заскулила и побежала жаловаться Саше. Надо сказать, Саша легко справлялся с обязанностями воспитателя и Линде, очевидно, казалось, что она – его младшая сестра. Между ними завязалась крепкая дружба. Рядом со своим «братом» Линда представляла себя взрослой бойцовой собакой. Правда, первое время по ночам она вдруг вспоминала, что еще маленькая, и нам по очереди приходилось нянчиться с ней. Темнота пугала Линду и иногда всю ночь мы гладили ее по спинке, чтобы она чувствовала присутствие рядом хозяина и друга. По мере того как наша собака выросла и осваивалась в ставшем ей родным доме, ее все больше и больше интересовали предметы, вместе с ней населявшие его. Вскоре внимание Линды привлек старый трельяж. Жизнь, которая происходила в больших зеркальных стеклах этого исполина, не давала ей покоя. Желание познать тайну рождало в голове маленького существа различные варианты поведения. Например, целый день она могла потратить на то, чтобы с разбега запрыгнуть на высокую для ее роста тумбу трельяжа. Каждая следующая неудача только раззадоривала собаку. Она принимала угрожающую стойку и начинала рычать и лаять на разозливший ее предмет. В другой раз мы могли наблюдать, как Линда

осваивала новый трюк: сначала пробовала на зуб прочность нижних металлических ручек трельяжа, потом цеплялась за них передними лапами, подтягивала свое упругое тельце и, раскачиваясь, пыталась забросить себя на тумбу. Надо сказать, что смешнее и умильнее этого зрелища мы не видели ничего. Желание достигнуть цели помогло Линде найти выход. Дело в том, что один из свернутых ковров лежал как раз сбоку от этого злополучного трельяжа и вполне мог бы стать хорошим трамплином для нашей собаки. Но догадаться об этом она должна была сама. Когда же Линда впервые взобралась на тумбу, ее радости и ликование не было предела! Но вот чего она никак не ожидала, так этого того, что кто-то уже раньше взобрался на трельяж и теперь с любопытством смотрел на нее из большого зеркального стекла. Линду это обстоятельство ненадолго смутило. Шерсть на ее спине стала похожа на щетку. Крадучись она осторожно приблизилась к отражению в зеркале. Существо так же осторожно приближалось к ней. Предупреждая нападение, Линда отскочила в сторону, зарычала и залилась звонким трусливым лаем. Существо за стеклом сделало то же самое. На их собачьем языке это означало, что и ее тоже боятся. Это придало Линде смелости, и она бросилась на отражение в зеркале с намерением растерзать врага буквально в клочья. На вкус «враг» оказался каким-то холодным, скользким и совершенно без запаха. Линда потрогала его лапой – и «враг» тоже проявил интерес. На всякий случай, Линда еще раз полаяла на отражение и, поразмыслив, решила подружиться с существом в зазеркалье. С тех пор они очень часто общались... И я даже не знаю, поняла ли, уже повзрослев, Линда, кто на самом деле стал ее приятелем. Незаметно пролетели два месяца с того дня, когда Линда появилась в нашей семье. Два месяца ежедневных радостей и открытий. Теперь Линду трудно было назвать глупым щенком. Она уже хорошо знала и выполняла целый ряд команд, обязательных для первого класса обучения – «место», «рядом», «ко мне», «апорт», и выделяла эти слова из контекста общечеловеческого разговора. Более того, она безошибочно научилась определять по завуалированным словам и жестам, когда ее хозяевам было лень идти с ней на прогулку. Решала эту проблему Линда всегда просто: она бежала в коридор, брала в зубы свою одежду, так мы называли ее поводок и ошейник, и приносила к ногам того, на кого, по ее мнению, падал жребий вести ее на улицу. В свои неполные четыре месяца Линда еще не знала, что такое мороз и снег, поэтому дождь и слякоть казались ей самым невыносимым наказанием. Она носилась по лужам, хватала ртом брызги, летящие со всех сторон, скользила, падала, отчего злилась на саму себя. В конце концов, возвращалась домой уставшая, мокрая и грязная. Зато в солнечную погоду заставить Линду вернуться домой было практически невозможно. Все вызывало у нее бурный интерес и восторг – цветы, трава, мухи и бабочки. Отчего цветы пахнут, почему трава щекочет нос, почему невозможно поймать бабочку на лету, хотя очень хочется? Мир был такой огромный и интересный, что времени прогулки, чтобы познать его, было явно недостаточно. Каждый раз самое интересное приходилось оставлять на потом. Заканчивалось лето. Приближался новый учебный год. Мы, наконец, переехали от бабушки в свою квартиру. Пришлось нашу девочку приучать к самостоятельности. И вот чем закончилась первая попытка оставить ее одну. Мы с Сашей вернулись домой довольно поздно. Целый день ушел на то, чтобы объехать несколько школьных базаров и сделать необходимые покупки к школе. Нагруженные свертками и пакетами, мы поднимались на свой этаж. И, уже звеня ключами, слышали, как соскучившаяся Линда скребет лапами дверь с обратной стороны и в нетерпении лает, поторапливая нас. «Сейчас, девочка, сейчас!» – успокаивал ее Саша, ковыряя ключом в замочной скважине. Дверь распахнулась и... О, ужас! Нам под ноги бросилось какое-то белое чудище. Стремглав метнулось по ступенькам вниз – и скрылось из виду. Только слышно было, как хлопнула входная дверь подъезда. Что произошло, мы поняли не сразу, но Саша, кинув на пол свертки, помчался на улицу ловить то, что вылетело из нашего дома. Осторожно ступая по полу, как по минному полю, я вошла в кухню. Картина была ужасающей: дверцы шкафчика под подоконником настезь распахнуты. Все его содержимое, а это был стратегический запас продуктов – пяти-

килограммовый мешок с мукой, две трехлитровые банки с сахаром, несколько бутылок подсолнечного масла, несколько мешочков с крупами – оказалось вываленным на пол. Мешочки разорваны, мука и крупы тщательно перемешаны. Сверху все было посыпано сахаром, добросовестно сдобрено подсолнечным маслом и... многократно полито Линдой! Видимо, эта игра так увлекла нашу собаку, что она совершенно забыла о правилах приличия и о том, что уже почти взрослая, и в туалет обязана ходить на улице. А вспомнила она об этом и испугалась наказания, только услышав наши шаги и голоса в подъезде. С легкой лапы Линды, если можно так сказать, мне пришлось перемывать кухню от потолка до пола, поскольку мучная пыль тонким слоем покрыла светильник, посуду в сушилке, всю кухонную мебель, окно, стены. Мое негодование только возросло, когда сын притащил с улицы беглянку. Удержать ее в руках было невозможно: она выскальзывала, поскольку вся вывозилась в подсолнечном масле, перемешанном с мукой, и со стороны напоминала «собаку в кляре».

Отмывали Линду в ванной часа два. При этом Саша по-мужски крепко держал, а я драила ее шампунями и смывала всю эту красоту водой, употребляя для пользы дела массу нелицеприятных эпитетов в адрес любимой собаки. Впредь, уходя из дома, мы предусмотрительно стали завязывать двери в комнату и оставляли нашей бандитке уже освоенный полигон для действий, поскольку совсем лишить ее возможности фантазировать и изобретать было бы, по меньшей мере, бесчеловечно. А главное – невозможно! Вскоре Линда прорыла в кирпичной кладке стены проход к соседям. Неоднократные попытки заделать этот искусственно созданный коридор побуждали смышленное животное к новым изобретениям. Мы победили, только когда однажды раз и навсегда зацементировали его. Интерес Линды тотчас переключился на обувную полку, которая в кратчайший срок потеряла свой товарный вид и была выброшена из дома. Далее в ход пошла не убранная вовремя в стенной шкаф обувь. Металлические ножки у кухонных табуретов однажды оказались странным образом загнутыми в разные стороны. Одним словом, наступило время боевых действий. Линда заняла наступательную позицию, мы – оборонительную. Побеждал тот, кто первым оказывался хитрее. В этой собаке было столько энергии, что казалось, процесс расщепления атомов непоседливости имел характер ядерной реакции. Ей было недостаточно пространства одной квартиры. Уже не вызывала удивления ее способность бегать по стенам. Всякое появление Линды во дворе собирало толпу поклонников, ожидавших очередного представления с непременно участием любимой артистки. Из подъезда Линда вылетала стелющимся по земле наметом. Попытка остановить ее в этот момент могла закончиться переломом ноги либо шеи. Дальше она делала несколько кругов вокруг хоккейной коробки, перепрыгивала через все имеющиеся во дворе сооружения и нагромождения, так называемые «барьеры», приносила к ногам хозяина все валяющиеся «апорты» в виде пустых пластиковых бутылок и палок, размером раза в четыре больше нее самой. И только тогда, немного устав, собака вспоминала о главной цели прогулки. Во многих дворах была своя команда по футболу – летом и по хоккею – зимой. Как правило, это были одни и те же ребята. Все члены дворовой сборной дружили с моим сыном, часто бывали в нашем доме и, конечно, все они знали и любили Линду. А она платила им тем же. Но стоило всеобщей любимице появиться во дворе во время товарищеской встречи, как игра тут же прекращалась. А причина была всегда одна: вид мечущейся по полю мишени будил в Линде азарт охотника. В несколько прыжков она достигала мяч, с рычанием набрасывалась на него, в доли секунды разрывала на части и со счастливой улыбкой начинала скакать вокруг мальчишек, выпрашивая похвалу: «Вот какая я молодец! Хвалите меня! Ну, хвалите же!». Если же трофеем становилась шайба, Линда хватала ее зубами, выскакивала за пределы площадки, начинала бегать по двору и дразнить ребят: «Ну-ка, догони! Ну-ка, отними!». Доставшуюся клюшку Линда легко перекусывала пополам. Чинить или клеить инвентарь было уже бесполезно. Сколько же мячей мне пришлось купить, пока росла Линда, сколько шайб и клюшек пришлось компенсировать – не счесть! На мое счастье, далеко ездить за ними не приходилось:

спортивный магазин находился на первом этаже соседнего дома. Если кому-то показалось, что из маленькой нежной девочки Линды выросла машина-уничтожитель, то должна заметить, что все далеко не так. Это была собака с огромными глазами, полными любви и нежности, в груди которой билось бесстрашное сердце. В любой момент она была готова пожертвовать собой. Не задумываясь, бросалась на помощь любому, кто, по ее мнению, в этот момент нуждался в защите. Линда обладала уникальным качеством: она была безумна в своей огромной любви к людям! И мы еще не раз к нему вернемся. А сейчас мне хочется вспомнить о ее природной сметливости и хитрости. К чести сказать, во благо себе эти качества она использовала крайне редко. Однако наступил тот момент взросления, когда всякой подросшей собаке породы боксер приходится думать об экстерьере. Это те внешние признаки, по которым отличаются представители одной породы собак от другой. До недавнего времени соблюдение норм соответствия, установленных международным кинологическим экспертным советом, являлось абсолютным и бесспорным. Для боксеров, кроме обязательного для всех пород собак купированного шестого пальца, это и купированный на длину в три позвонка от копчика хвост, и обрезанные по стандартной форме уши. Все придумано для большей безопасности собак бойцовской породы. Лишний палец мешал бы собаке в момент бега. Она могла зацепиться им за какое-либо препятствие, возможно, крепкое растение, и порвать себе лапу. Длинный хвост и уши в драке с противником становятся самыми уязвимыми местами, поскольку их можно схватить зубами и вывести собаку из борьбы. Но если шестой палец и хвост удаляются на третий день жизни щенка, когда малыш еще практически не понимает боли, то купировать уши приходится месяца через три. Это значительно сложнее, поскольку щенок уже осознает, кто и за что причиняет ему боль. Спасает в этой ситуации лишь то, что такие операции делаются врачами-ветеринарами и с обязательным обезболиванием. Линде тоже предстояло пережить неизбежность вмешательства в ее жизнь эстетической хирургии. Операцию делал знакомый доктор, ассистировать ему вызвалась моя сестра. Она в этой ситуации оказалась самой психологически устойчивой. Когда ушки уже были обработаны, наложены и заклеены швы, для их сохранности собаке на голову надели платочек. Линда в этом наряде выглядела беззащитной, как ребенок, и вызывала чувство нежности. Действие обезболивающего заканчивалось, и она то и дело пыталась дотянуться лапами до болящих ушей и сорвать с головы платок. Поэтому все члены нашей семьи, собравшиеся в этот важный день в доме, по очереди носили Линду на руках и всячески ее развлекали, словно дитя. Собака очень скоро поняла все преимущества своего положения и не упускала возможности использовать эту ситуацию. Она тихонько стонала, капризничала, картинно откидывала голову и безжизненно повисала в наших объятиях, но тут же забывала о своей проблеме, как только в чьей-то ладони появлялось аппетитное лакомство. Как ни странно, но обреченность она демонстрировала только в моем присутствии. По-видимому, всех остальных она воспринимала как равных себе. Стоило мне выйти из комнаты, и Линда тут же оживала. Заслышав вновь мое приближение, она бросалась на диван, падала на подушку, чего я делать ей не позволяла, закатывала глаза и снова начинала стонать. Подыгрывая ей, я наклонялась, гладила ее и сочувственно приговаривала: «Бедная наша девочка! Ей так больно!». В этот момент то, что еще недавно называлось хвостом, начинало описывать сумасшедшие круги, все тело ее начинало судорожно подпрыгивать от переполнявших эмоций. Забыв о своем недуге, Линда в восторге срывалась, и ее язык в один момент успевал смыть все мое лицо, а заодно и очки.

Красота красотой, но надо же думать и о хороших манерах! Пока ребенок растет, ему позволено многое: он познает мир, как говорила Сашина бабушка. Важно не пустить процесс воспитания на самотек. Нашу эмоциональную, сумасшедшую во всех своих проявлениях Линду следовало брать в жесткие рамки правил общественного жития. Такая обязанность лежала на Сашиных плечах и предполагала постоянное общение с собакой. Эта парочка была неразлучна: куда бы ни шел Саша, рядом с ним всегда семенила Линда. Если Саша делал

уроки, сидя за столом, она лежала под столом, а его ноги стояли на ней. Если Саша смотрел телевизор либо слушал музыку, развалившись в большом мягком кресле, Линда забиралась к нему на руки и, свернувшись, как кошка, клубком, в таком положении могла лежать часами. Если Саша спал, Линда охраняла его покой, стоя перед его кроватью на задних лапах, а туловище, передние лапы и голову укладывала на него. Так они дышали одним воздухом. Кресло, в котором они с Сашей слушали музыку, со временем стало Линдиным креслом. И уже никто, кроме них двоих, не смел в него сесть: Линда прыгала за спину «наглеца» и лапами начинала выталкивать с насиженного места. Удивительно, но мне казалось, что и разговаривают они на одном языке. Линда так жадно внимала всему, что говорил ей «старший брат», что порой на ее лице появлялась безумная улыбка абсолютно счастливого и любящего создания. Она доверяла ему! Так повелось, что в общении с собакой мы почти не употребляли привычных командных выражений. Достаточно было при переходе через дорогу остановить ее: «Линда, осторожно! Машины!», как она притормаживала, смотрела по сторонам, потом – в лицо хозяйину, ожидая следующего распоряжения, и только потом перебежала на другую сторону. Оставляя Линду у входа в магазин, совсем не обязательно было ее привязывать: команда «ждать!» была гарантией того, что она не сдвинется с места и до нашего возвращения никого к себе не подпустит. Возможно, так ведут себя многие собаки. Но это же была наша собака, и для нас она была самой умной. В первый год своей жизни Линда уже многое узнала. Она бурно пережила яркое веселое лето, осень с тоскливыми холодными дождями, зиму с обжигающими морозами и колючим снегом, весну, наивную в своей новизне. Появился у нее и собственный жизненный опыт. Из нескладного подростка Линда превращалась в хорошенькую ухоженную барышню. Тело ее наливалось силой, а природная красота обращала на себя внимание людей, знающих в этом толк. Линда была хорошо сложена: широкая развернутая грудь, узкая талия, крепкие бедра. Она не ходила – танцевала. И в этом танце на ее теле играл каждый мускул. А еще наша девушка была безобразной кокеткой. После каждой прогулки ее непременно до дома провожал какой-нибудь дворовый кавалер. А степенные домашние псы тоскливо поглядывали вслед.

Но не нужно забывать, что Линда была не просто собака, а собака бойцовской породы, и ей предстояло учиться искусству защищать человека, хозяина. В двух кварталах от нашего дома находился стадион, на котором инструкторы клуба служебного собаководства каждые выходные проводили занятия по дрессировке. Линда стала ученицей школы служебного собаководства, и теперь все выходные они с Сашей проводили на стадионе. Возвращались домой поздно вечером уставшие, но довольные собственными успехами: Саша – талантом воспитателя, Линда – способностями ученицы. Линда действительно была очень способной ученицей. Ее упругое легкое тело напоминало сжатую пружину. А силы и желания стать лучшей оказалось столько, что едва звучала команда «барьер!», она буквально взлетала на нужную высоту и уже через секунду оказывалась по другую сторону двухметрового дощатого сооружения. Не было такого барьера, который Линда не смогла бы взять. Если не получалось с первого раза, не хватало роста, она прыгала еще и еще раз. При этом цеплялась лапами за доски, подтягивалась и все-таки брала препятствие. Это занятие ей так нравилось, что сдерживать было бесполезно. Сильно устав, она делала небольшой перерыв, пила приготовленную Сашей воду, снова вставала и шла на другой снаряд. Ее упорству завидовали хозяева ленивых тяжеловесных собак. Единственное, с чем не могла смириться Линда, так это с необходимостью ходить на поводке. Это было обязательным условием курса дрессировки и пресловутого общественного порядка. Всем своим видом она выражала вселенскую скорбь. Шла, понуро опустив голову, а по щекам ее катились крупные собачьи слезы. Достоинство этого преданного и послушного существа было оскорблено! Она страдала от недоверия. К постижению своих собачьих наук Линда подходила очень добросовестно, как будто готовилась заменить собой целую армию и защитить всю страну. Для развития мускулатуры собаке положено давать

посильные нагрузки. Такими нагрузками могут быть автомобильные шины, которые привязывают к задним ногам собаки и заставляют ее таскать за собой этот груз. Либо быстрый бег на длинные дистанции, например, за велосипедом. Чаще и то, и другое вместе. Пусть никому не покажется такой способ дрессировки собаки жестоким и бесчеловечным. Профессиональным спортсменам для достижения результатов приходится выдерживать нагрузки, намного, как может показаться, превышающие человеческие способности. Я видела, как в детстве тренировался мой сын, и мне было очень трудно понять и принять методы воспитания будущих чемпионов. Считается, что ресурсы живого организма и возможности человека безграничны. Это очень спорно, но вот с тем, что в преодолении рождается сила и мужество, трудно не согласиться. Линда не стала исключением. Наверное, то обстоятельство, что не ей одной пришлось туго, несколько облегчало ее страдания. Доберман Мери, любимая собака Сашиного друга Гриши, была старшей подругой Линды. И вполне могла поделиться своим нелегким опытом. Поэтому они вместе и рядом изо всех сил неслись вслед за мальчишками с привязанными к ногам шинами от легковых автомобилей и боялись только одного – потерять из виду своих незаменимых друзей и хозяев. А те мчались во весь опор на велосипедах по загородной лесной дороге. Эта дорога, длиной около трех километров, вела к озеру. Там мальчишки отвязывали собак, и все четверо бросались в воду, барахтались, ныряли, плавали наперегонки с берега на берег. Потом, уставшие, падали на траву и засыпали под горячим солнцем, набирались сил. Обратный путь был такой же трудный. Но он всегда казался короче, потому что это был путь домой.

Линда становилась взрослой серьезной собакой. Порой она даже могла быть опасной, когда оказывалась свидетелем насилия. Ее челюсти вмиг смыкались на рукаве или штанине правонарушителя. И если этот предупредительный жест не истолковывался правильно, следовал более серьезный захват. Боксеры потому и называются боксерами, что в качестве предупреждения они не лают впустую, а, легко подпрыгнув, бьют своей грудью в корпус воображаемого или явного врага. Как в настоящем боксе: сильный удар – и противник в нокауте. К сожалению или к счастью, Линде не раз приходилось защищать Сашу от местной шпаны, которой «славился» наш рабочий район. А однажды она спасла женщину от грабителя, который поздним вечером напал на нее в подворотне. В общем, наука не прошла для Линды даром. Мне даже стало казаться, что она, повзрослев, стала ощущать себя старшей сестрой-защитницей для моего сына. И я уже совершенно спокойно отпускала эту неразлучную парочку по вечерам на улицу.

Детство всегда быстро заканчивается... Саша уже учился в старших классах. У него оставалось все меньше свободного времени. Все чаще он задерживался в школе: нужно было готовиться к экзаменам. Линда же все чаще оставалась дома одна. Скучая, она каким-то образом ухитрялась стащить Сашину куртку с вешалки на пол, подминала ее под себя и так, уткнувшись в нее носом, лежала до тех пор, пока в подъезде не раздавался звук шагов ее любимого хозяина и «брата». От переполнявшего ее счастья она начинала прыгать на дверь, рвала когтями обивку. Наверное, думала, что так ускоряет процесс и сокращает расстояние между ними. Перешагнуть через порог Саша уже не успевал – она буквально сбивала его с ног. Старалась подпрыгнуть настолько высоко, чтобы коснуться мордой его лица и успеть облизать всю голову Саши вместе с шапкой. Еще минут семь приходилось отбиваться от нее и уговаривать успокоиться. Потом она начинала танцевать вокруг, шерсть от возбуждения щетинилась на загривке и становилась красной, а короткий хвост вращался с такой скоростью, что, казалось, вот-вот оторвется.

Физиологическое созревание, то есть способность к деторождению у собак-девочек происходит, примерно, к двум годам. Линде был год и восемь месяцев, когда мы заметили темные пятнышки на полу, на обивке мягкой мебели, на обоях. Наша девочка была крайне чистоплотной собакой и случайно оброненные капельки тут же спешила слизать языком. Все ее поведе-

ние выражало недоумение по поводу происходящего, и в глазах застывало выражение вопроса и даже вины. Чтобы избавить собаку от неудобств и стеснений, мы надели на нее трусы. В этих ярко-желтых махровых трусах она выглядела очень комично и напоминала настоящего боксера на ринге. Мы часто шутили, что для полноты образа ей не хватало на передних лапах боксерских перчаток. Поведение Линды тоже изменилось. Природа брала свое. Зов материнства – вот что ощутила наша собака. Искать мужа для Линды и отца для их будущих детей оказалось очень ответственной миссией. Требования к «жениху» предъявлялись очень высокие, и этим были озадачены наши родственники, близкие друзья и знакомые собаководы. Все решил случай...

В один из выходных мы с сестрой и нашими мальчишками, Сашей и Димкой, целенаправленно решили прогуляться с Линдой на тот самый стадион, где когда-то она постигала азы собачьей науки. Там, как и в прошлом году, занималась новая группа молодых несмышленишей. Мы выбрали удобную для наблюдения скамейку: с нее было видно не только учебное поле, но и все, входящие и выходящие со стадиона кобели (а нас интересовали только они). Линда, успевшая обежать стадион несколько раз, устало сидела рядом и лениво наблюдала за молодыми собаками, круг за кругом оттачивавшими команду «рядом». Вдруг на горизонте показался тот, кого мы так жадно высматривали и ждали. Реакция у нас с сестрой и у нашей собаки была одновременной. Линда как-то напряглась, привстала, приняла кокетливую позу и, как маленькая, но умненькая, женщина, постаралась сделать совершенно безразличный вид. Чем, наверное, сразу и привлекла внимание этого красавца-боксера. А боксер был действительно красавцем! Невысокий, на широких, крепких, слегка косолапых из-за слишком развернутой груди ногах. Насыщенного рыжего окраса, с большой, словно картонная коробка из-под телевизора, головой, «копченной» мордой и высоким лбом, испещренным умными складками. Его неумный темперамент так и рвался наружу. Хозяин пса, внешнее сходство которого со своим питомцем действовало парализующее, едва сдерживал кобеля на строгом ошейнике. Острые металлические зубцы впивались в массивную шею собаки, из ощеренной пасти в разные стороны летела пена. Наверное, мое восхищенное описание увиденного, так же парализующее подействует на любого неискушенного читателя. Я попыталась представить себя на его месте, и у меня по спине пробежал холодок ужаса. Помню свое впечатление от прочитанной в детстве сказки Андерсена «Огниво». Там что-то подобное говорилось о собаках, охранявших сокровища. Наши собаки рванулись навстречу друг другу: Линде было проще – мы не держали ее на поводке, а вот хозяину пса пришлось немедленно снять с него строгий ошейник, чтобы тот не поранил горло. Они закружились в неистовом танце на песчаном поле стадиона, поднимая клубы пыли вокруг себя. А нам, людям, не оставалось ничего другого, как начинать знакомство с далеко идущими целями. Хозяин нашего потенциального жениха (а сомнений в том, что им должен стать именно этот пес, не осталось) поначалу был очень осторожен. Позже мы поняли, почему: его кобелю было уже три года, а опыта общения с девочками еще не было. Это обстоятельство и смущало хозяина-мужчину.

Для упрочения дружбы между Линдой и Рэмсом, так звали нашего избранника, мы продолжали вместе гулять по вечерам. Видно было, что собаки не только приняли друг друга, но между ними возникло то волшебное чувство, которое среди людей зовется любовью. День свадьбы уже был назначен, приглашена «свидетель» из клуба служебного собаководства для регистрации новой семьи. А главным образом для того, чтобы провести консультацию и при необходимости оказать помощь. Мы, так называемые родители брачующихся, очень волновались. Хозяин Рэмса то и дело вытирал пот со лба. Вся процедура, включая любовную прелюдию, длилась часа два. Собаки явно устали. Жадно пили воду. Я мечтала только об одном: скорее оказаться дома и отдохнуть от всей этой суеты. Ритуал мы соблюдали по всем правилам. Невеста должна была прийти в дом к жениху, и ни в коем случае не наоборот, чтобы он мог почувствовать себя хозяином положения. Когда все формальности были закончены, мы отблагословили

дали «свидетельницу» и поспешили в родной дом уже в ином качестве и в ином состоянии. Начался отсчет новой жизни нашей собаки. Два месяца, предстоящие до появления на свет щенков, Линда требовала к себе особого отношения. В ее рацион были добавлены продукты, которые способствовали правильному формированию щенков в утробе матери. И при этом сама Линда должна была получать в необходимом количестве витамины и усиленно питаться, чтобы ей хватило сил выносить и родить малышкой. Оказалось, что наша девочка очень любит апельсины и может за один раз съесть не меньше килограмма! А по вечерам, совершая обязательный моцион, мы непременно заходили в магазин и покупали пару баночек маслин. И это тоже было прихотью беременной дамы! Линда искусно справлялась с косточками: мякоть аккуратно обгрызала, а косточки складывала рядом с собой. В общем, о том, что эти пристрастия сохранятся у нашей собаки на всю оставшуюся жизнь, мы тогда не думали. Главным было удовлетворить ее потребности в текущий деликатный период. Линда изменилась и в поведении. Теперь, выйдя на улицу, она степенно прогуливалась по двору, иногда выбирала и «стригла» зубами какую-то травку, часто отдыхала, нежась на солнышке. Ее тело стало округляться в боках. Несмелые попытки местных кавалеров-кобелей поухаживать за ней Линда встречала агрессивно, предупредительно рычала и даже кусалась. По вечерам, лежа в любимом кресле, она внимательно разглядывала свой растущий живот, с недоумением прислушивалась к тому, что происходило внутри нее. Еще через месяц стало заметно, как щенки начинают шевелиться, и живот Линды местами вздымается бугорками то здесь, то там. Она тут же заботливо начала вылизывать это место и таким образом успокаивала своего разволновавшегося малыша. Ходить нашей мамочке со временем становилось все труднее. Живот был таким огромным, что едва не тащился по земле. Мы, как могли, старались помочь ей. На прогулку Саша выносил Линду на руках, клал на траву в тени, и она дышала свежим воздухом. Потом с трудом вставала, делала несколько шагов в нужном направлении и снова ложилась. Ее уже не интересовали ни цветочки, ни бабочки. Она тяжело дышала и все время умоляюще смотрела на Сашу, как будто в его силах было что-то изменить. По нашим подсчетам, роды должны были состояться в конце мая. Я уже договорилась со знакомым ветеринаром, что в судьбоносный для собаки день и час он окажется рядом с роженицей и возьмет этот важный процесс на себя. Но на всякий случай, чтобы не быть бесполезным наблюдателем, я прочитала несколько специальных книг и уже имела представление о том, как нужно помогать своей собаке во время родов и что нужно делать с появившимися на свет щенками. В условленный день, это был четверг, мы с доктором дежурили возле Линды. Уходя вечером домой, он успокоил меня, что вряд ли роды начнутся ночью. А утром обещал прийти снова. В тревожном ожидании прошла пятница, за ней последовали суббота, воскресенье... Казалось, Линда даже стала лучше себя чувствовать. В понедельник утром, проводив Сашу в школу, я стала собираться на службу: роды у собаки еще не повод совсем не появляться на работе! Вдруг мне показалось, что Линда испугалась перспективы остаться одной в своем неопределенном состоянии и стала нервно стаскивать в угол коридора коврики и покрывала. Она буквально рвала зубами и лапами свои подстилки, крутилась на одном месте, пытаясь устроиться на них поудобнее. Догадка пронзила меня. Я бросилась к телефону. Доктора не оказалось дома, и я в испуге набрала номер моей сестры. Скоро она уже была у нашей двери. К тому моменту у Линды начались схватки, и моя неуверенность полностью развеялась. Нужно было принимать срочные меры. Все необходимое – бинты, зеленка, нитки, ножницы, даже нашатырный спирт – было профессионально расставлено и разложено на полу. И вот на свет появился первый малыш. Я сейчас с трудом вспомню детали, что и в какой последовательности делала, но, видимо, действовала правильно, потому что новорожденный щенок в моих руках зашевелился и запищал. Линда тревожно и внимательно следила за каждым моим движением. Закончив процедуру обработки пуповины, я подложила малыша к ней. Она заботливо начала вылизывать его и носом подталкивать к сосочку. Почуввав запах молока, щенок стал тыкаться мордочкой в мягкий живот Линды,

а найдя источник, присосался и, как маленький насосик, стал жадно качать из своей матери живительную влагу. В этот эмоциональный момент нас и застал вернувшийся из школы Саша. Его появлению Линда обрадовалась больше всего. Он был самым надежным человеком в ее жизни. И рядом с ним, казалось, ей было не так больно. Вымыв руки, Саша примостился рядом со своей любимицей, стал гладить ее и приговаривать всякие нежные успокаивающие слова. Я, совсем осмелев и освоившись в своей роли бабки-повитухи, стала записывать в дневник показатели нашего первенца: рост, вес. Это был мальчик. Предполагая, что он будет у нас не один, я предусмотрительно повязала ему на шейку голубую ниточку. Следующей на свет появилась девочка. Ей я повязала красную ниточку. Позже мы так и различали своих малышей: «голубенький мальчик», «красенькая девочка», «желтенькая девочка», «зелененький мальчик»... Всего их родилось десять! Для собаки-первородка это был рекорд.

Линда старалась быть заботливой матерью. Но вскоре ей стало сложнее справляться с такой беспокойной оравой. Малыши, высасывая ее до капли, росли, как говорят в сказках, не по дням, а по часам. За ними требовался постоянный уход. Линде приходилось часами вылизывать их глазки, животики, убирать своим языком их испражнения, оставляемые по всему полу после каждого кормления. Растущие зубки малышей причиняли боль ее нежным соскам. Видно было, что Линда очень устает. И по ночам, когда вся братия засыпала, она украдкой оставляла их и перебиралась в свое любимое кресло. Позже она сообразила, что на время ее отсутствия я могла бы успешно заменять им сиделку. И, убегая от детей, залезла ко мне в кровать, ложилась за спину и ненавязчиво начинала выталкивать меня из постели лапами, намекая тем самым, что пришло время менять караул. Я поначалу злилась, ругала ее, отправляла обратно. Но потом смирилась и как женщина женщину поняла. Без особого восторга, тем не менее, я стала выполнять роль ночной сиделки. Вскоре малыши достаточно подросли и перестали нуждаться и в моих услугах.

Как-то ночью я проснулась от странного звука. В коридоре, где за перегородкой мирно спали наши собаки, раздавалась привычная сонная возня, потом несмелое шлепанье, потом скрежет, потом что-то с грохотом упало, и вся квартира наполнилась визгом и писком раздавленных картонной перегородкой щенков. Установив на место перегородку и собрав в кучу разбежавшихся в испуге малышей, мы подумали, что всё произошедшее случайность, и отправились спать дальше. Но на завтра всё повторилось снова. И следующей ночью тоже. Стало понятно, что это не случайность. Решено было по очереди следить за щенками. Первое дежурство, конечно же, досталось мне. И я была вознаграждена сполна. Когда все стихло во мраке, и население нашей квартиры мирно заснуло, одно маленькое существо по имени Любочка, самая мелкая в помете «фиолетовая девочка» с удивительно умным личиком, выползла из кучи своих собратьев и пошлепала к тому месту, где перегородка стыковалась со стеной. Она начала настойчиво ковырять место стыка. Ей казалось, что здесь наиболее уязвимое и податливое место, пригодное для побега. Потом она стала прыгать, пытаясь зацепиться зубами и лапками за край перегородки, подтянулась и перевалилась на другую сторону, с грохотом шлепнувшись об пол. Картонная перегородка не выдержала натиска ее упругого тельца и упала, накрыв собой спящих братьев Любы. Сама Люба тем временем уже бежала в направлении ванной комнаты, дверь которой была всегда предусмотрительно приоткрыта. Любопытство и желание маленького существа расширить рамки своего мира были столь велики, что, невзирая на неудачи, из ночи в ночь она продолжала настойчиво добиваться поставленной цели. С целеустремленной и за это особо любимой и главное, уважаемой нами Любашей мы расстались в самую последнюю очередь. Она была отдана в хорошую семью и уехала в другой город. Еще некоторое время мы с ее новыми хозяевами поддерживали телефонные отношения, слышали от друзей-собаководов рассказы о нашей умнице. И хотя позже связь была потеряна, к тому времени мы уже знали и были спокойны, что Лайма, так называли Любу ее новые родители, выросла отличной крепкой собакой. И что для нас было самым главным, в этом доме она тоже стала

любимицей. Немного грустно, но об этом потом. Пока же наша жизнь была наполнена заботами о подрастающем поколении, а квартира больше напоминала военный госпиталь. Мы жили на втором этаже, но балкона у нас не было. И поэтому оконные решетки – характерная особенность того времени – были увешаны разноцветными сохнувшими пеленками, а подоконники уставлены тарелками с остывающей кашей. Весь процесс кормления, уборки, стирки, сушки происходил круглосуточно и непрерывно. Уже через полторы недели после рождения малышей мы поняли, что у Линды недостаточно молока, и стали докармливать их из соски. Я удобно устраивалась в каком-нибудь углу нашей небольшой квартиры, а Саша по очереди, одного за другим подносил мне щенков. К моменту кормления последнего первый был опять голоден. Еще через пару недель Линда совсем бросила кормить своих детей, и мне пришлось перевести их на искусственное вскармливание. Мой день начинался практически с восходом солнца приготовлением завтрака для всей семьи, включая сына, Линду и десятерых ее малышей. Остывшую кашу я разливала по тарелкам и расставляла в кухне на полу. Затем открывала перегородку и, негромко хлопая в ладоши, тем самым вырабатывая у собак рефлекс, начинала звать их. Малыши просыпались, подскакивали, толкая и топчя друг друга, пытались спросонья сообразить, откуда исходит аппетитный запах, а потом бросались за мной в кухню. Их неуверенные лапки расползались на скользком линолеуме, щенки падали на ходу, лаяли и злились на тех, кто первым умудрялся-таки добраться до еды. Попутно они налетали на тарелки с кашей, проливали ее на пол, растаптывали по всей кухне, снова скользили и падали, покусывая друг друга за уши. Дом с утра оглашался звонким щенячьим лаем. Позже я сообразила устилать пол мокрыми пеленками, чтобы лапки не расползались. А для сохранности еды тарелки расставляла на большем расстоянии друг от друга. День ото дня собаки становились взрослее и умнее, и уже перестали залезать в тарелки лапами. Но так и не научились ходить на обед степенно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.